

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

А. В. Павлов

Сексуальный капитал

ПАВЛОВ Александр Владимирович — доктор философских наук, профессор, руководитель Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, руководитель сектора социальной философии Института философии РАН. Адрес: 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: apavlov@hse.ru

Академические исследования сексуальности представлены такими научными дисциплинами, как сексология, исследования секса (sex research), критические исследования сексуальности (critical sexuality studies), репрезентация сексуальности в медиа, гендерными исследованиями, исследованиями сексуальной идентичности и многими другими. В свою очередь, изучая сексуальность, социологи обычно либо занимаются антропологическими или узкосоциологическими исследованиями социальных сообществ и пространств, либо осуществляют макроанализ, как то сделал, например, Энтони Гидденс в «Трансформации интимности» (1992). В XXI веке, отталкиваясь от социологической теории Пьера Бурдьё, некоторые социологи стали развивать концепцию «сексуального капитала», в которой секс и сексуальность рассматриваются как сфера коллективной социальной жизни. Автор статьи выделяет и описывает три концепции сексуального капитала: «эротический капитал» (Кэтрин Хаким); теория сексуальных полей (Адам Исаяя Грин и др.), в которой сексуальный капитал функционирует наряду с другими элементами (эротический габитус, практика и проч.); «неолиберальный сексуальный капитал» (Ева Иллуз и Дана Каплан). Акцент сделан на последнюю теорию, так как она была предложена недавно. В условиях неолиберализма, когда представителям прекариата нужно постоянно искать заработок на высококонкурентном рынке труда, важно чувствовать себя уверенно. Этому способствует «неолиберальный сексуальный капитал», потому что: во-первых, секс повышает самооценку; во-вторых, сексуальность подразумевает доминирование; в-третьих, секс может стать способом проявления социальной компетентности; в-четвёртых, секс приводит к большему удовлетворению работой. Полагая, что дискуссии о сексуальном капитале только набирают обороты, автор обзора представляет эти концепции в качестве конкурирующих на «академическом поле» социологии.

Ключевые слова: сексуальный капитал; социальная теория; Пьер Бурдьё; Ева Иллуз; теория полей; эротический капитал; исследования сексуальности.

Введение

Около 10 лет назад австралийский учёный Гари Доуссет отметил, что за последние 60 лет количество исследований в области сексуальности выросло в геометрической прогрессии. Он считает, что за указанный период выделились три академические парадигмы: (1) сексология; (2) исследования секса (sex research); (3) критические исследования сексуальности (critical sexuality studies) [Dowsett 2014]. Стоит признать, что этими парадигмами исследования сексуальности не ограничиваются. Учёные изучают сексуальность во всём её многообразии (демография, гендер, идентичность, по-

ведение, коммерциализация и коммодификация и проч.) [Fischer, Seidman 2016], репрезентацию секса и сексуальности в медиа [Smith, Attwood, McNair 2017] и т. д. Доуссет провозглашает важность критических исследований сексуальности, но, кажется, что в действительности существенная часть исследований сексуальности во всём их многообразии основана на «критической методологии», что ограничивает предметное поле методологически, а также превращая его в идеологию. Очевидно, что секс признан важной частью социальной жизни, и, следовательно, на него должны обращать внимание не только исследователи, работающие в парадигме критического подхода, но в том числе и социологи. Собственно, некоторые социологи по-своему этим и занимались [Гидденс 2004; Бауман 2005: 276–299; Сорокин 2006]. Что касается именно исследований сексуальности в самом широком смысле, то их проблема состоит в том, что, как считает социолог Адам Исаяя Грин, в этой области преобладают методы описания субкультур или исторические ракурсы, характерные более для антропологической литературы [Green 2014: 11]. На протяжении некоторого времени задача социологов была в том, чтобы предложить собственно социологический взгляд на сексуальность — не только прикладной, но также в той или иной степени обоснованный теоретически.

Одно из возможных социологических пониманий секса можно обнаружить в концепции «сексуального капитала», о котором учёные заговорили в 2000-е гг., но наиболее активно — с 2010 г. Поскольку речь идёт именно о социологии, нам необходимо различать социологическое использование концепции и (не)социологическое. Например, с одной стороны, понятие «сексуальный капитал» используют в селф-хелп литературе, в исторических исследованиях¹ и в специфических локальных антропологических исследованиях. Так, в этом последнем случае Шиобан Брукс на основе интервью изучала неравный эротический капитал представительниц разных рас в стриптиз-индустрии Нью-Йорка и Окленда, Калифорния [Brooks 2010]. С другой стороны, существуют конкретно-социологические исследования телесного капитала, которые относятся к фитнес-индустрии и социологии спорта и здоровья [Wacquant 2010; Вакан 2013; Hutson 2013; Edmonds 2018: 9–14].

Как и в случае сексуального капитала, идея телесного капитала обязана своим происхождением социологическому наследию Пьера Бурдьё. И хотя социологи, рассуждая на темы сексуального капитала, за редким исключением на этого автора активно ссылаются, в действительности они мало обращаются непосредственно к теории Бурдьё, заимствуя лишь концепт капитала и другие элементы понятийного аппарата. Например, термин «телесный капитал» Бурдьё использует в «Различениях» единожды, и то между делом, отмечая, что с возрастом у представителей среднего класса, занимающихся престижным спортом, он утрачивается [Bourdieu 1984: 217]. Термин «сексуальный капитал» Бурдьё не использовал. Однако в 1998 г. феминистка Линн Чансер отметила: то, что Бурдьё назвал телесным капиталом, лучше переименовать как «сексуальный капитал» [Chancer 1998: 194]. Соответственно, в настоящее время «сексуальный капитал» — используемое социологами понятие, которое можно применять для объяснения состояния и современного общества, которое социологи всё чаще называют поздним модерном (*late modernity*).

Если обращаться к социологической литературе, написанной с момента первого упоминания термина, то мы обнаружим три разные концепции сексуального капитала (или эротического капитала — о нюансах в использовании терминов см. ниже). Объединяет эти концепции то, что все три исходят из социологического наследия Пьера Бурдьё, при этом авторы концепций используют это наследие по-разному и часто весьма своеобразно. Авторы всех трёх концепций осведомлены о работах друг друга, но настаивают на том, что термин «сексуальный капитал» должен пониматься так, как видят его они. Мы можем даже предположить, что на условном академическом поле социологи конкурируют в том, чтобы именно их понимание сексуального капитала стало доминирующим, тем самым они смогли

¹ Толкуя это понятие по-своему, Бернардин Мэри Хернандез в ссылке отмечает, что «это термин, в основном используемый в области социологии и который был исследован Пьером Бурдьё» [Hernández 2022: 82].

бы увеличить свой академический капитал. Далее я сосредоточусь на этих трёх концепциях, а также постараюсь показать их востребованность в современной социологической литературе.

Вероятно, теории сексуального капитала не относятся к эмпирической экономической социологии. Тем не менее за счёт введения в научный оборот этих концепций в отечественной академии могли бы быть расширены представления о предметном и методологическом полях экономической социологии. Первая концепция принадлежит социологу Кэтрин Хаким. Она предложила термин «эротический капитал», заметив, что он не является синонимом сексуального капитала. Другие исследователи обычно употребляют термины «эротический капитал» и «сексуальный капитал» как взаимозаменяемые, чаще предпочитая использовать последний вариант. Вторая концепция принадлежит упомянутому уже Адаму Исаяи Грину, собравшему группу учёных, которые хотя и дискутируют друг с другом, но в рамках единого понимания термина. В данном случае категория «сексуальный капитал» является элементом концепции сексуальных полей самого Грина. Наконец, третья концепция принадлежит социологу Еве Иллуз (про её книгу «Почему любовь ранит?» в журнале «Экономическая социология» писали уже дважды [Любинарская 2022; Кондрашов 2023]) и её соавтору Дане Каплан. Иллуз регулярно использовала в своих книгах понятие «сексуальный капитал», ссылаясь на Хаким и Грина, но отдельное исследование посвятила непосредственно данной теме лишь в 2020 г. Сперва вышла совместная книга Иллуз и Каплан «Сексуальный капитал в позднем модерне» на испанском языке [Illouz, Kaplan 2020]. В 2021 г. на немецком была опубликована работа «Что такое сексуальный капитал?» [Illouz, Kaplan 2021], а в 2022 г. был издан перевод немецкой версии на английский язык [Illouz, Kaplan 2022]. Хотя испанский, немецкий и английский тексты различаются (по структуре, некоторым ссылкам, цитатам и проч.), содержательно это одна и та же книга — в том смысле, что в данных источниках проговариваются одни и те же тезисы.

Эротический капитал

Кэтрин Хаким предложила свою идею «эротического капитала» в 2010 г. — сперва в одноименной статье [Hakim 2010], опубликованной (что важно) в социологическом журнале, а затем последовательно в двух книгах [Hakim 2011a; 2011b]. Можно ожидать, что она, как и все остальные учёные, работающие с термином, делает ритуальную ссылку на Пьера Бурдьё. Собственно, Хаким осуществляет процедуру «умножения капитала», добавляя к трём видам капитала (экономический, социальный и культурный), описанным самим Бурдьё, ещё один — эротический. Под этим последним подразумевается капитал, состоящий из сексуальной привлекательности и обаяния человека. (Некоторые отечественные учёные, например, в рамках такого умножения предлагают концепцию «военного капитала» [Карлова 2021].)

Необходимо внести терминологическую ясность, дав историческое пояснение. Понятие «сексуальный капитал» неоднократно использовалось до Кэтрин Хаким, поэтому она, чтобы быть оригинальной, решила сообщить, что «эротический капитал» и «сексуальный капитал» не одно и то же и она использует свой концепт применительно именно к гетеросексуальным отношениям: «Североамериканские учёные использовали термины “эротический капитал” и “сексуальный капитал” как синонимы для обозначения исключительно сексуальности и сексуальной привлекательности <...>. Поскольку я ориентируюсь на гетеросексуальное большинство, моё определение эротического капитала гораздо шире и включает социальную привлекательность и социальные навыки. Сексуальная привлекательность по-прежнему важна, потому что дефицит мужского пола повышает ценность женского эротического капитала в гетеросексуальном сообществе. Однако эротический капитал имеет ценность во всех социальных отношениях и в любых условиях, в том числе на рынке рабочей силы, а не только на сексуальных рынках. Эротический капитал подразумевает гораздо больше, чем просто сексуальную привлекательность и сексуальность» [Hakim 2011a: 161–162].

Одним из важных источников вдохновения для Кэтрин Хаким, помимо социологической теории Бурдье, стала «теория сексуальной экономики», предложенная в 2004 г. двумя авторами — психологом Роем Баумайстером и экономистом Кэлин Вос в статье «Сексуальная экономика: секс как женский ресурс для социального обмена при гетеросексуальных взаимодействиях» [Baumeister, Vohs 2004]. Согласно представлениям Баумайстера и Вос, гетеросексуальное сообщество может быть рассмотрено в качестве рынка. На таком рынке мужчины стремятся получить от женщин секс, предлагая им взамен другие (несексуальные) ресурсы. Следовательно, общество закрепляет определённые гендерные роли за женщинами (продавцы) и за мужчинами (покупатели секса). При этом, отмечали учёные, ценностью наделяется именно женская сексуальность, а не мужская.

Всё это звучало бы не вполне корректно, но Баумайстер и Вос осуждают «гендерную асимметрию» (то есть неравный статус между партнёрами, культурное подавление женской сексуальности, изнасилование и проч.), доказанную в разных исследованиях². Хаким, признавая, что использует теорию сексуальной экономики Баумайстера и Вос, совершенствует её, называя сексуальную экономику сексономикой, и заявляет, что в сексуальных рынках участвуют не только те, кто хочет познакомиться ради мимолётной интимной связи или построения долгосрочных отношений, но и супружеские пары, а сексуальные переговоры (торги), таким образом, не ограничиваются только добрачной фазой ухаживания. Так что теория сексономики применима ко всем возрастам и брачным статусам и любым отношениям [Hakim 2011a: 348].

Согласно Хаким, помимо внешних данных, чтобы развивать эротический капитал, человек также непременно должен возвращать социальные навыки. Эротический капитал состоит из шести (или, как делает поправку сама Хаким, семи) элементов: красота; сексуальная привлекательность; социальные навыки (обаяние, умение общаться, способность нравиться людям и т. д.); живость (*liveliness*, то есть сочетание физической формы, социальной энергии и хорошего настроения); социальная самопрезентация (одежда, макияж, духи, украшения, причёска, аксессуары — всё то, что носят люди, чтобы сообщить о своём статусе и вкусе); навыки, которые относятся непосредственно к области сексуальности (компетентность, энергия, воображение, игривость и т. д.). И если до этого мы использовали в отношении концепции Хаким слово «человек», то настало время сказать, что для неё ключевое значение имеет то, что этим капиталом обладают преимущественно женщины.

Хотя в «сексуализированных индивидуализированных современных обществах» эротический капитал становится всё более ценным как для женщин, так и для мужчин, всё же женщины, считает Хаким, больше и сильнее развивают и используют этот ресурс. И вообще, согласно исследованиям, сообщает Хаким, женщины обладают большей сексуальной привлекательностью, нежели мужчины. Этот важный акцент в итоге стал решающим для предельно критического отношения к теории Кэтрин Хаким со стороны многочисленных коллег. Однако из того, что Хаким уделяет особое внимание женщинам, проистекает и добавочный седьмой элемент эротического капитала — фертильность, которая в некоторых культурах «имеет огромный дополнительный вес, автоматически предоставляя женщинам преимущество перед мужчинами» [Hakim 2011a: 25]. Вместе с тем «репродуктивный капитал» представляет собой отдельный (пятый после экономического, социального, культурного и эротического) личный актив, который в XXI веке в современных обществах, как видится Хаким, имеет меньшую ценность, чем в сельскохозяйственных культурах, характеризующихся высокой рождаемостью [Hakim 2011a: 25].

² Авторы не отказались от своей теории, не так давно предложив её развитие. В 2017 г. они при помощи коллег проанализировали конкуренцию на сексуальном рынке в рамках одного пола. Имеется в виду всё те же гетеросексуальные отношения: женщины, желая заполучить мужчину, который бы предоставил им материальные ресурсы, соревнуются в сексуальной привлекательности и в обещании верности. В свою очередь, мужчины соревнуются в накоплении материальных ресурсов с целью получить наиболее привлекательного сексуального партнёра (см.: [Baumeister et al. 2017]). В целом «теория сексуальной экономики» интересна, но имеет опосредованное отношение к теории «сексуального капитала». Возможно, эта тема требует своего полноценного исследования и критического анализа.

Ожидаемо теорию Кэтрин Хаким неоднократно критиковали. Так, Адам Исаяя Грин посчитал данную концепцию преувеличенной, внутренне противоречивой, а самое главное — несоциологичной [Green 2013]. Хаким неоднократно критиковала Ева Иллуз, кажется, с 2010-х гг. упоминая в книгах эротический капитал [Иллуз 2020; 2022; Kaplan, Illouz 2022]. Так, комментируя то, что Хаким полагает для женщин возможным пользоваться эротическим капиталом не только при обращении на рынок труда, но и для социальной мобильности, Иллуз едко замечает: «Хочется надеяться, она не считает, что “эксплуатация” собственно эротического капитала в целях обретения социальной мобильности заслуживает такой же высокой оценки, как развитие навыков математики или ткацкого мастерства» [Иллуз 2020: 98]. Впрочем, помимо критики, уже в 2012 г. Иллуз заимствовала саму идею эротического капитала (причём признавая, что это именно женский ресурс) для своего объяснения того, почему любовь ранит. При этом в книге «Что такое сексуальный капитал?», то есть спустя 10 лет, Иллуз и её соавтор Дана Каплан признали: «Мы могли бы спросить, в чём разница между нашим подходом к сексуальному капиталу и тем, каким образом Кэтрин Хаким связывает сексуальный и эротический капиталы с рынком труда? Справедливости ради скажем: Хаким предполагает, что сексуальный капитал включает “энергию, эротическое воображение, игривость”. Эти компоненты напоминают о нашем определении неолиберального сексуального капитала. Но её концепция главным образом имеет отношение к сексуальности женщин. В отличие от этого подхода мы предполагаем, что мужчины тоже имеют выгоду в отношении сексуальности и сексуальный капитал может быть извлечён из сексуального опыта и взаимодействий, а не только из “сексуальной” внешности» [Illouz, Kaplan 2022: 103].

Те социологи, которые, например, критикуют концепцию сексуального капитала Адама Исаяи Грина, в принципе, игнорируют идею эротического капитала Кэтрин Хаким [Wasquant 2014; Wasquant, Aksaoglu 2017; Wade 2021]. Нам сложно что-то добавить к многочисленной критике концепции Хаким со стороны социологов. Все сходятся на том, что слабые стороны и уязвимые места её концепции заключаются в довольно циничном подходе Хаким к отношениям; она прямо заявляет: женщины, обладая неизбежно исчезающим эротическим капиталом, должны им пользоваться. Однако необходимо заметить, что, несмотря на критику, концепцию эротического капитала в разных областях социальной науки развивали другие социологи [Bullen 2011; Sarpila 2014].

Особо отметим, что, критикуя Хаким, Грин, помимо прочего, обвинил её в том, что она «делает все возможное, чтобы явно отойти от растущего объёма социологических работ, вдохновлённых теорией поля Бурдьё, которая развивает концепцию “эротического и (или) сексуального капитала”» [Green 2013: 152]. Может быть, так и есть. Стоит признать, Кэтрин Хаким осведомлена о работе Грина и отмечает (пусть в шутку), что его понятие «сексуальный капитал» скорее является «сексуальным знакомством». Также она пишет, что в то время как Грин и его коллеги исходят в своих исследованиях из теории полей, она предпочитает рыночный подход сексономики.

Что же в таком случае предлагает сам Адам Исаяя Грин?

Теория сексуальных полей

Фактически первыми, кто придумал применить теорию полей Пьера Бурдьё к сексуальной сфере общества³, были Джон Леви Мартин и Мэтт Джордж, которые опубликовали статью «Теория сексуальной

³ За два года до них, то есть в 2004 г. Роберт Майкл опубликовал статью «Сексуальный капитал: расширение концепции капитала здоровья Гроссмана» [Michael 2004]. Даже из названия ясно, что речь идёт не о традиции Бурдьё, а о концепции экономиста Майкла Гроссмана [Grossman 2017], изложенной в 1972 г. Кроме того, как видно, сексуальный капитал в данном случае является составной частью человеческого капитала и относится исключительно к здоровью, но не к сексуальной социальной сфере. Два компонента сексуального капитала, согласно Роберту Майклу, суть (1) привычки при выборе сексуальных партнёров и социальные сети, из которых эти партнёры выбираются, и (2) активы человека, полезные для достижения сексуальной близости, то есть буквально хорошее здоровье.

стратификации: к аналитике сексуального поля и теории сексуального капитала» [Martin, George 2006]. Мартин и Джордж заявили, что популярные метафоры рынка и экономических отношений не справляются с социологическим объяснением поведения игроков на сексуальном поле, и уточнили, что в случае Пьера Бурдьё слово «капитал» ими употребляется не субстанционально (как «вещь»; что-то, что субъект имеет и чем может распоряжаться), но как отношение. В этом был их существенный вклад в научное использование термина. Дело в том, что упомянутая выше, во введении, Линн Чансер, ссылаясь на Бурдьё, ещё в 1998 г. предположила, что существует ресурс, который можно назвать сексуальным капиталом. Однако она понимала этот последний субстанционально, так как владели им, по её мнению, женщины, а пользовались мужчины. Чансер писала: «Если женские тела действительно стали капиталом — сексуальным капиталом, — тогда радикальное феминистское движение, стремящееся вернуть себе собственность, могло бы оказать системное дестабилизирующее воздействие на капитализм, просто угрожая разрушить столь желанные отношения собственности, в которые вкладывались и инвестировали» [Chancer 1998: 262]. У Мартина и Джорджа, в соответствии с теорией Бурдьё, категория «сексуальный капитал» не являлась самостоятельной и была подчинена категории «сексуальное поле». Следом за ними Адам Исая Грин развивал теорию сексуальных полей в нескольких публикациях [Green 2008a; 2008b; 2011], пока наконец не собрал тексты многих коллег, работавших в одной с ним парадигме, в книге «Сексуальные поля. К социологии коллективной сексуальной жизни» [Green 2014a].

Адам Исая Грин — один из немногих, кто пытается подойти к изучению сексуальности социологически, то есть буквально развивает социологию коллективной сексуальной жизни, стараясь использовать строгий теоретический аппарат. Любопытен сам концепт коллективной сексуальной жизни. Грин считает, что на современном Западе по сравнению с предшествующими историческими периодами коллективная сексуальная жизнь отделена от многочисленных институтов социального контроля и составляет самостоятельную область социальной жизни. И хотя исследователи сексуальности уже давно занимаются изучением различных практик и субкультур, ключевой вопрос для социологов заключается в том, как сформулировать систематический социологический подход к коллективным сексуальным желаниям, чтобы преодолеть ограничения исследований сексуальности, сконцентрированных на описаниях отдельных локальных феноменов.

Несмотря на то что социологи уже давно занимаются темой сексуальной стратификации (например, Рэндалл Коллинз написал статью на эту тему ещё в 1971 г., хотя, следует это признать, он имел в виду именно половую стратификацию, полагая, что женщины находятся в менее выгодном положении, чем мужчины [Collins 1971]), и Грин это признаёт, но он заявляет, что многие исследования были ограничены именно в плане концептуального инструментария и не учитывали, как сексуальный статус работает в масштабе общества, то есть вне описываемых учёными социально-географических границ (например, в рамках рабочего пространства). Грин считает, что открыть новые направления социологического анализа интимной жизни помогает теория поля Бурдьё, и приходит к необходимости сформулировать тезис о сексуальных полях — пространствах, которые предназначены для знакомств и где у одних акторов больше преимуществ, чем у других.

В своём подходе Грин объединяет основные понятия социологической теории Бурдьё — поле, капитал (культурный, экономический и социальный) [Бурдьё 2005] и габитус, последовательно их объясняя. В понимании Бурдьё поле — социально структурированная арена, которая состоит из агентов, институционализированных практик и регулирующего принципа. Поле состоит из отдельных позиций в социальном пространстве, каждая из которых находится в иерархических отношениях с другими позициями. Капитал — распределяемые в конкретном поле специфические ресурсы, благодаря которым формируется ситуативная иерархия. Все виды капитала конвертируются друг в друга. Поскольку агенты переводят капитал из одного поля в другое, поля, представляя автономные социальные конфигурации, тоже структурно взаимосвязаны.

Действие агентов в поле представляет собой практику, а не поведение на индивидуальном уровне. Так, практику агента отчасти организует габитус, но в той мере, в какой он обеспечивает принцип стратегии для действия. Габитус ориентирует акторов на социальный мир таким образом, что люди не всегда осознают это. В итоге практика возникает там, где пересекаются два структурных порядка — внутренний (габитус) и внешний (конфигурация отношений, в которых капитал распределён неравномерным образом). Грин, поясняя понятийный аппарат теории Бурдьё, замечает, что будет *развивать* тезис Бурдьё, но не *следовать* ему буквально, так как в сексуальном поле три классических капитала необязательно конвертируются в сексуальный капитал и, формируя ситуативные иерархии, не всегда являются источником доминирования. Одним словом, Грин вдохновляется Бурдьё, но смотрит дальше него (как он сам заявляет).

Теория сексуальных полей стала ответом на указанный выше вызов коллективной сексуальной жизни в эпоху позднего модерна. Сегодня, то есть в позднем модерне, по мнению Грина, во множестве эротических миров люди ищут партнёров, подразумевая разные цели, начиная с интимной связи на одну ночь и кончая поиском потенциального супруга или супруги. Эти миры (они же поля) суть социальные пространства, предполагающие знакомства (например, к таким пространствам можно отнести бары, ночные клубы, курорты и проч.). Каждое поле имеет свою специфику, поэтому сексуальный капитал в них является переменной, то есть отношением между агентами. Условно говоря, в обычном молодёжном баре 50-летний мужчина будет обладать меньшим сексуальным капиталом в глазах молодых женщин, нежели его 20-летние конкуренты, так как (вспомним) экономический и социальный капиталы не всегда конвертируются в сексуальный. Согласно логике Грина, взрослый мужчина, если бы хотел в соперничестве с другими игроками использовать имеющийся сексуальный капитал, мог бы участвовать в спид-дейтинге (от англ. *speed dating* — быстрые свидания; сессия коротких свиданий, во время которых группа мужчин и группа женщин по очереди знакомятся друг с другом), ориентируясь на женщин своей возрастной группы или выбрав группу, в которой молодые женщины заранее озвучили бы, что предпочитают зрелых мужчин.

Впрочем, сам Грин, ссылаясь на пример своих разведённых родителей средних лет, признаёт, что его отец был куда более успешен в свиданиях, чем его мать. Так что «хотя сексуальная привлекательность может быть менее важной в среднем возрасте для выбора партнёра, всё же она по-прежнему имеет значение в форме структур предпочтений, которые обычно ставят женщин среднего возраста в невыгодное положение по сравнению с их более юными сверстницами» [Green 2014b: 8]. Стоит подчеркнуть, что тезис Грина дополнительно может быть аргументирован тем, что в коллективной сексуальной жизни участвуют не только молодые люди. Высокий уровень разводов свидетельствует в пользу того, что значительная часть мужчин и женщин среднего возраста хотят вновь выступить игроками сексуальных полей ради краткосрочных свиданий или же поиска партнёров для отношений. При этом, отмечает Грин, в поиске постоянного партнёра после расставания или развода гетеросексуальные мужчины и женщины среднего возраста, скорее всего, будут полагаться на межличностные и рабочие сети, а не на бар или ночной клуб. Можно добавить, что для некоторых сегодня функцию поиска партнёра могут выполнять дейтинговые приложения. Хотя Ева Иллуз, например, считает, что приложение для знакомств «Tinder» (поле более не актуальное для российского опыта) предназначено исключительно для случайного секса, являясь в этом смысле порочной практикой [Иллуз 2022: 105–125].

В целом теория сексуальных полей способна предложить любопытные результаты в полевых исследованиях. Так, согласно статье «Отсутствие секса в Шанхае: стратегии гендерной мобильности в транснациональном сексуальном поле», в барах Шанхая мужчины европейского происхождения обычно обладают высоким уровнем сексуального капитала (внушительным сексуальным капиталом) и пользуются спросом у местных женщин, в то время как сексуальный статус европейских женщин из-за меньшей востребованности среди местных мужчин снижается, и по этой причине они могут чувствовать себя маргинализированными [Farrer, Dale 2014]. Возможно, более удачный пример сексуальных полей —

различные тематические приложения для знакомств, то есть многие мощные эффекты сексуального поля возникают не из опыта живого общения, но в том числе из-за кропотливой работы по самопозиционированию на разных уровнях желательности поля (например, тщательное конструирование образа в социальных сетях). Таким образом, конкретный актер, вступая в сферу сексуальной социальной жизни, то есть начинает искать партнёра, попадает в гравитацию (виртуального) сексуального поля. Грин называет это «полуавтономные эротические миры» и, к сожалению, не развивает эту, казалось бы, продуктивную, идею дальше.

Наконец, предмет исследований теории сексуальных полей не ограничивается местами, предназначенными для знакомств, или Интернетом. Так, согласно предположению Грина, сексуальные поля могут возникать в качестве сетей знакомств среди друзей и коллег: корпоративные вечеринки, большие праздники (например, свадьбы) и т. д. Более того, коллективная сексуальная жизнь имеет значение не только для тех, кто в ней активно участвует, но и для тех, кто в ней сознательно не участвует, поскольку сексуальная жизнь (на полях) редко может быть полностью исключена из социальной жизни. Например, женатый мужчина, решивший провести время с друзьями в баре, хочет он того или нет, вступает в сферу сексуального поля. И если он, обладая существенным сексуальным капиталом, вдруг окажется интересен желающим свести с ним знакомство женщинам, то сексуальное поле может повлиять на его самовосприятие и его представления о возможностях за пределами брака. Вероятно, он даже переоценит качество своего брака и сделает какие-то выводы о собственной востребованности. «Таким образом, потенциальные эффекты сексуальной социальной жизни на неактивных полевых игроков не должны рассматриваться как незначительные, и этот вопрос может быть поставлен в качестве эмпирического» [Green 2014b: 9].

Чем Грин гордится, так это тем, что теория сексуальных полей предлагает социологические компоненты для объяснения категории «желание» на уровне коллективной жизни. Таким инструментом является понятие «структуры желания» (*structures of desire*), то есть специфичные для конкретного места трансперсональные оценки привлекательности агентов. Эти оценки координируют желательность таким образом, что сексуальное поле становится полем конкурентных отношений. В баре, например, как отмечает Грин, структуры желания материализуются в разговорах о том, кто привлекателен среди посетителей, а кто нет. Таким образом, структуры желания становятся коллективным выражением отдельных желаний участников конкретного поля и тем, что, по мнению участников поля, желательно для других. Можно пояснить эту последнюю мысль: условно актер-мужчина будет заинтересован в женщине, которая, как ему кажется, является привлекательной для всех или большинства присутствующих в сексуальном поле мужчин. Именно здесь становится наиболее важен сексуальный капитал. Актеры обладают ресурсами, которые сочленяются со структурой желания сексуального поля. Например, если речь идёт о европейском мужчине в шанхайском баре, то у него имеется значительный сексуальный капитал в сравнении с его конкурентами. Грин отмечает, что эта разновидность капитала не сводится к другим видам капитала, о чём уже говорилось, но всё же может быть конвертируемой [Green 2014b: 15]. Таким образом, сексуальный капитал — это не индивидуальный портфель личных активов, но ресурс, воплощаемый отдельными актерами, и одновременно достояние конкретного сексуального поля.

Сам Адам Исая Грин называет материалы, вошедшие в его сборник, «набором новаторских эмпирических и теоретических статей», а также коллекцией «инновационных концептуальных инструментов» [Green 2014b: 22]. Остаётся сказать, что в итоге эта концепция сексуального капитала настолько же далека от теории Бурдьё, как и концепция Кэтрин Хаким. Но также мы видим, что она, по крайней мере, похожа на настоящую социологию. Кроме того, эта теория, учитывая её коллективный и диалоговый характер, может оказаться продуктивной для тем, не связанных с конкретными сексуальными полями. Так, Мэтт Джордж в эссе, опубликованном в сборнике под редакцией Грина, рассуждает о том, почему Пьер Бурдьё не стал разрабатывать концепцию сексуального поля, хотя его анализ современной сексуальной жизни во многом подразумевал её. Ответ исследователя таков: Бурдьё ненавидел псевдонауку

типа сексологии и психоанализа. И, поскольку его академическим капиталом была теория полей, он не просто игнорировал сексуальное поле, но и строил теорию полей так, что она почти категорически отрицала саму возможность сексуального поля [George 2014].

Теория сексуальных полей раздражает некоторых социологов, особо ревниво относящихся к наследию Бурдьё. Так, Лоик Вакан, переводчик и последователь Пьера Бурдьё, считает, что эмпирически сексуальные поля не имеют смысла и невозможны, потому что сексуальность пересекает все институализированные поля и никак не может быть автономным полем. Так что, с его и его коллеги точки зрения, теория сексуального поля является формой «бурдьезианства», в которой к эмпирическому объекту применяется язык Бурдьё, но не его концептуальный аппарат [Wasquant, Aksoğlu 2017: 61]. Наконец, Ева Иллуз и Дана Каплан, о которых речь пойдёт далее, так комментируют связи концепции Грина с теорией Бурдьё: «Хотя этот подход согласуется с социологией Бурдьё, ему не хватает более развитой и широкой концепции власти — того, как другие социальные силы, находящиеся за пределами рассматриваемого конкретного сексуального поля, могут формировать иерархии сексуальной привлекательности» [Ilouz, Kaplan 2022: 80]. Впрочем, отношения концепции Иллуз и Каплан с теорией Бурдьё тоже не такие прочные, но об этом ниже.

Тем не менее молодые исследователи, которые ранее не участвовали в проекте Адама Исаяи Грина, считают его подход продуктивным и полезным. Так, Эмили Руппель признаёт, что теория сексуальных полей в самом деле порывает с теорией Бурдьё, но это не означает, что с ней нельзя работать. Она пытается применить к теории сексуального поля именно ту формулировку поля, которую использовал Бурдьё, и считает, что это поможет ей решить две проблемы, с которыми в своё время столкнулся Грин: нечётко очерченные границы сексуальных полей и практически не учитываемая тема власти, на что, как мы видели, указывают Иллуз и Каплан. Кроме всего прочего, Руппель заявляет, что собирается феминистски переосмыслить Бурдьё [Ruppel 2020], хотя, разумеется, феминистки это делают уже давно [Adkins, Skeggs 2005]. Лиза Уэйд не обращалась в книге «Американская мимолётная любовная связь: новая культура секса в университетском городке» [Wade 2017]⁴ к теории сексуальных полей. Между тем эта оптика могла бы оказаться ей полезна при изложении материала. В более позднем исследовании Уэйд решила освоить этот многообещающий подход к разработке комплексной теории коллективной сексуальной жизни. По её мнению, теория недостаточно развита, так как её эмпирическая база слишком узкая, поэтому Уэйд вернулась к культуре знакомств, чтобы рассмотреть её с точки зрения теории сексуального поля [Wade 2022]. То же самое Уэйд делала в предыдущей публикации [Wade 2021]. Одним словом, теория сексуальных полей сегодня набирает обороты в академическом поле.

Неолиберальный сексуальный капитал

Всё это приводит нас к третьей концепции сексуального капитала, предложенной уже не раз цитируемой Евой Иллуз и её коллегой Даной Каплан, тоже израильским социологом. В своих книгах Иллуз активно ссылается на всех упоминаемых выше авторов, включая новейшие публикации Эмили Руппель и Даны Уэйд. Одним словом, она и её коллега, взбираясь на плечи гигантов, пытаются сказать своё слово в социологических дискуссиях о сексуальном капитале. Далее последует краткий экскурс в историю социальной теории Иллуз, чтобы проложить мостик от того, как она, используя предшествующие концепции сексуального капитала, в итоге пришла к тому, чтобы предложить собственную.

Хотя Иллуз считается социологом и во многом даже признанным, стиль её размышлений, эмпирический и теоретический материал, который она использует, делают её, скорее, социальным теоретиком в духе Зигмунта Баумана (в его лучшие годы). Иллуз любит производить концепты. Так, в 2000-е гг., на волне

⁴ Переводчица книги Евы Иллуз передала *hookup* в названии книги Уэйд, которую Иллуз цитирует, как «мимолётная любовная связь» [Иллуз 2022: 109, 112]. Мы использовали этот перевод.

культурного поворота [Susen 2015: 83–135], а также аффективного поворота [Clough, Halley 2007] во многих гуманитарных и социальных науках, она предложила понятие «эмоциональный капитализм», позднее названный ею же аффективным капитализмом. Данный термин она определила как культуру, в которой дискурсы экономики и эмоциональные практики формируют друг друга. В таком капитализме аффект становится существенным аспектом экономического поведения, а эмоциональная социальная жизнь — особенно среднего класса — следует логике экономических отношений и обмена [Illouz 2007: 11]. Здесь же возникает ожидаемо связанное с теорией Бурдьё понятие «эмоциональный капитал», который обращается к наименее рефлексивным аспектам габитуса и является наиболее воплощённой частью из воплощённых форм культурного капитала. Так Иллуз рассуждала в 2007 г., то есть на заре дискуссий о социологическом понимании сексуального капитала.

В 2012 г., уже после публикации книги Кэтрин Хаки и серии статей Грина, Иллуз начала активно использовать концепцию сексуальных полей и в силу этого упоминала сексуальный капитал, однако мало работала с самим этим понятием, предпочитая термин «эротический капитал» Хаки. Опираясь на подход Грина и его коллег, в книге «Почему любовь ранит?» Иллуз пришла к выводу, что если раньше модели ухаживания строились на идее брачных рынков, а отношения мужчин и женщин постепенно, но неуклонно вели к браку, то в современной ситуации уместнее говорить о сексуальных полях, так как они предполагают наличие у заинтересованных субъектов неравных ресурсов. Актеры соревнуются на этих полях, во-первых, чтобы получить наиболее желанных партнёров, во-вторых, в накоплении этих партнёров и, в-третьих, в демонстрации собственной привлекательности. Проблема, с точки зрения Иллуз, была в том, что сексуальные поля теперь предшествуют брачным рынкам, «вследствие чего мужчины и женщины задерживаются на них или предпочитают их брачным рынкам» [Иллуз 2020: 388]. Социолог эмоций Энн Брукс, комментируя теорию эмоционального капитала, отметила, что, вероятно, в теории Иллуз эротический капитал может быть частью эмоционального капитала, и вообще эротический капитал является важным аспектом статуса и силы женщины в отношениях и сам по себе становится критерием стратификации [Brooks 2017: 113, 114].

В более поздней работе Ева Иллуз вновь прибегает к метафоре рынка, но теперь уже не брачного, а сексуального. В книге «Почему любовь уходит?» она предлагает концепцию скопического капитализма, который также называет визуальным капитализмом. С точки зрения Иллуз, ситуация позднего модерна заставляет женщин не только заботиться о своём теле, но и — под гнетом давления медиа — выставлять его напоказ⁵: «<...> Образ сексуального тела стал неотъемлемым элементом возникновения того, что я называю скопическим капитализмом, капитализмом, который создаёт огромную экономическую ценность с помощью спектакуляризации тел и сексуальности посредством их превращения в образы, тиражируемые на различных рынках» [Иллуз 2022: 178]. На новом рынке мужчины и женщины находятся в неравных условиях. Женщины являются производителями ценности, а мужчины — её потребителями. Более того, мужчинам принадлежит контроль над большинством медиа, поэтому именно они диктуют стандарты сексуальной привлекательности. Так что мужчины контролируют женщин с помощью — казалось бы — невидимой руки сексуального рынка. Эта ситуация приводит к негативным последствиям социальной жизни, которые Иллуз называет нелюбовью. Иллуз, в духе Линн Чансер, даже задумывается о том, чтобы женщины не позволяли мужчинам пользоваться своим сексуальным капиталом. Все эти размышления привели Иллуз к тому, чтобы она (вместе с коллегой), наконец, сформулировала собственную версию сексуального капитала в книге «Что такое сексуальный капитал?» [Illouz, Kaplan 2022].

Иллуз и Каплан признают, что метафора сексуального капитала набирает обороты и используется в академии повсеместно: «Метафора сексуального капитала предполагает, что секс — это ресурс для

⁵ Пьер Бурдьё намного раньше Иллуз назвал это «тело-для-других»: «<...> Женщины среднего класса склонны жертвовать большим количеством времени и усилий, чтобы добиться чувства соответствия социальным нормам самопрезентации, что является предпосылкой самоабвения и тела-для-других» [Bourdieu 1984: 213–214].

будущих выгод, который выходит далеко за рамки сексуальной активности как таковой. В отличие от понятий, значения которых, по крайней мере в теории, широко распространены и приняты, метафоры более открыты и менее точны» [Illouz, Kaplan 2022: 2]. Но такая концептуальная неточность, по мнению авторов, делает метафоры полезными для воображения социологов. Чем авторы охотно пользуются. Главный плод их воображения и одновременно основной вклад в дискуссию — это концепция неолиберального сексуального капитала, который способен помочь при устройстве на работу. Иллюз и Каплан делают следующую ремарку: «Вероятно, предположение, будто эмпирическое измерение секса может быть капитализировано ради занятости, кажется абсурдным» [Illouz, Kaplan 2022: 89]. Это действительно так. Тезис выглядит, как минимум, экзотичным. К счастью, во введении Иллюз и Каплан берут на себя обязательство не только раскрыть и пояснить метафору сексуального капитала, но и развить её дальше. Читателям остаётся подождать, пока они дойдут до конца книги.

Сексуальный капитал в том виде, в каком о нём рассуждают Ева Иллюз и Дана Каплан, нужно отличать от трёх основных тем, которые затрагиваются при обсуждении связки секса и капитализма: секс как средство устранения гендерного дисбаланса; сексуальная идентичность как платформа для сексуального гражданства; сексуальная коммодификация, или монетизация сексуальности. Этот тезис принципиально важен, так как позволяет авторам отойти от критических сексуальных исследований в сторону социологии. По этой причине о сексуальном капитале в понимании Иллюз и Каплан можно говорить не тогда, когда речь идёт об идентичности или коммодификации тела, а когда сексуальность структурируется экономическими стратегиями и приносит экономические преимущества.

Приоткрывая завесу тайны неолиберального сексуального капитала, скажем, что Иллюз и Каплан говорят не буквально о рынках, но о внутреннем мире субъекта эпохи и (или) ситуации неолиберализма. В таком свете сексуальный капитал оказывается частью психики современного индивида. Два этих предложения всё ещё мало помогают понять, что именно имеется в виду, но авторы строят повествование в своей книге так, что, провозглашая громкий тезис, раскрывают его ближе к концу исследования. Зато они достаточно рано объясняют, что понимают под неолиберализмом: «Сексуальный капитал действует в социальном и политическом порядке, получившем название “неолиберализм” — своего рода универсальное понятие, которое описывает повышенную ответственность человека перед лицом все более нерегулируемого рынка. Чтобы оптимально функционировать на рынке, такой высокоответственный человек должен мобилизовать свой психический аппарат, включая сексуальные ресурсы» [Illouz, Kaplan 2022: 19–20].

Чтобы сформулировать собственное определение термина, Иллюз и Каплан отмечают: концепт «сексуальный капитал» состоит из двух частей — «сексуальный» и «капитал». В представлении авторов «сексуальный» обозначает, во-первых, всё, что относится к сексуальности и привлекательности тел, и, во-вторых, это сфера сексуального опыта (то есть «всё, что нас возбуждает»). Одним из характерных (и важных в отечественном контексте) свойств всех книг Евы Иллюз является то, что она пишет про гетеросексуальные отношения, что, как мы видели на примере скопического капитализма, не делает из неё «гендерной предательницы». Книга «Что такое сексуальный капитал?» не исключение. Авторы заявляют: «Мы сосредоточимся на гетеросексуальности, потому что гетеросексуальность сохраняет большую часть своих прошлых моральных характеристик, даже когда они постепенно дестабилизируются; остаётся менее политизированной в социальном пространстве, нежели другие виды сексуальных отношений; и обычно воспринимается как естественная и личная. Наконец, гетеросексуальность — это форма сексуальности, дающая наиболее очевидные и осязаемые формы капитала» [Illouz, Kaplan 2022: 35].

Что касается капитала, то, вслед за Пьером Бурдьё, Ева Иллюз и Дана Каплан освобождают термин от исключительно экономического понимания и, соответственно, расширяют его значение, утверждая,

что капитал может быть неэкономическим [Ilouz, Kaplan 2022: 37]. Снова ссылаясь на культурный поворот в социальных науках, Иллуз отмечает, как учёные стали распространять понятие «капитал» на неэкономические сферы, и приводит в пример собственное понятие «эмоциональный капитал», а также понятие «моральный капитал» Мишель Ламон, которое предполагает, что моральное определение себя и других в какой-либо области влияет на социальные отношения [Lamont 1992]. В свою очередь, разные типы капитала (эмоциональный, моральный и проч.) соответствуют разным формам неравенства и способам накопления социальных преимуществ. Как «сексуальный капитал» коррелирует с социологической теорией Пьера Бурдьё, Ева Иллуз и Дана Каплан поясняют в сноске в самом конце книги, заявляя, что, хотя они и используют идеи Бурдьё, всё же отступают от его концепции. У Бурдьё структура всех полей в итоге упирается в вопрос власти и классового господства. Это Иллуз и Каплан мало интересуют по ряду причин. Они признают, что теория Бурдьё хорошо подходит для объяснения доминирования, легитимации и натурализации системного неравенства, однако сегодня трудно считать, что культура и экономика являются двумя отдельными непроницаемыми сферами.

Далее, всё ещё не раскрывая карт, Ева Иллуз и Дана Каплан делают методологический дисклеймер, выделяя в академических дискуссиях о сексе три измерения. Первое — это то, какое место уделяется сексу в общественных отношениях. Речь, например, идёт о том, считается ли секс частью сферы производства, и тогда у него есть меновая стоимость, или же он относится к частной сфере, и тогда он может быть признан нетрудовой деятельностью с исключительно потребительской стоимостью. Второе измерение — это гендер. В данном случае подразумевается, что секс и сексуальность вписаны в гендерные нормы и габитус. Наконец, третье измерение — это сексуальное действие, которое относится как к внешнему опыту (демонстрация тела и проч.), так и к внутреннему (самоощущение). Иными словами, для одних сексуальные взаимодействия — это социальные трансакции, в то время как для других — это социальные отношения с эмоциональными следствиями (близость, привязанность, забота, любовь и т. д.) или внутренняя жизнь.

Исходя из вышесказанного Ева Иллуз и Дана Каплан выделяют четыре формы сексуального капитала — две исторические и две аналитические: (1) бытовая сфера воспроизводства, то есть сексуальный капитал по умолчанию; (2) сексуальный капитал как прибавочная стоимость тела; (3) сексуальность и воплощённый сексуальный капитал и (4) неолиберальный сексуальный капитал. Хотя две первые категории названы историческими, а другие — аналитическими, каждая из них представляет собой проявление напряжения между воспроизводством социальной жизни и накоплением капитала. Соответственно, в социальных и экономических отношениях присутствуют все четыре формы. В первом случае тело женщины контролируется мужчинами, а моральная ценность (например, целомудрие) преобразуется в экономическую ценность, когда в традиционных обществах заключается брак. Во втором понимании имеется в виду превращение сексуального тела в товар, то есть различные варианты секс-бизнеса. Здесь монетизация сексуальности прямая и явная: секс обменивается на деньги буквально. При обсуждении третьей формы Каплан и Иллуз возвращаются к идее скопического капитализма, который предполагает продажу и потребление сексуальных образов в культуре. В условиях новой экономики культура потребления создаёт эротически заряженную фантазию, которая структурирует коллективное сознание и воспроизводит капитализм. Наконец, неолиберальный сексуальный капитал — это чувство компетентности, эффективности и самоуважения.

Если с первой категорией всё понятно, то вторая может быть названа сексуальным капитализмом в буквальном смысле — сферой производства сексуальных товаров (игрушки, видео и проч.), услуг (секс-работа) и т. д. Это, по мнению авторов, приводит к использованию мужчинами женских средств сексуальности и утверждению патриархального капитализма. В непозднем модерне существовало жёсткое различие между хорошим (интимная жизнь супругов) и плохим (бордели) сексом, но в позднем модерне оно теряет актуальность. Иллуз и Каплан считают, что ныне многие секс-работники не воспринимают

себя сексуальными объектами, получают удовольствие от профессиональной деятельности, считают полезным то, что, помимо прочего, они предлагают клиентам эмоциональную поддержку. Кроме того, доходы тружеников интимной сферы могут быть инвестированы в человеческий капитал (например, в образование). Конечно, соглашаются авторы, секс-работа вряд ли повсеместно считается respectable-ным видом экономической деятельности, но сегодня она воспринимается более позитивно, чем прежде. Верно и обратное: может быть сексуализирована обычная работа; например, когда официантки, обладая весомым эротическим капиталом (здесь этот термин употреблён намеренно в понимании Кэтрин Хаким, так как подразумевает внешность и самопрезентацию), получают большие чаевые и проч.

Обсуждая третью категорию, Иллуз и Каплан обращаются к концепции сексуальных полей, которые являются частью рынка отношений. Вокруг данного рынка формируются целые коммерческие индустрии; например, сообщества соблазнения, организация спид-дейтинга и проч. Если сексуальный капитал первой категории — это разовая операция, в которой он обменивался на долгосрочный экономический статус (брак), второй — рынок и бизнес, то третья категория — это часть сексуальных отношений. Авторы развивают (или, как им кажется, объясняют лучше) концепцию сексуальных полей Адама Исая Грина и уточняют, что в конкуренции на сексуальных полях речь идёт не столько о сексуальном удовлетворении, сколько о нарциссическом опьянении от завоевания. Здесь же в книге Иллуз и Каплан возникает исследование культуры знакомств в колледже, проведённое упомянутой уже Лизой Уэйд. Во время социологических опросов студентов Уэйд выяснила, что способность привлекать партнёров тесно связана с конкретными аффективными установками игроков сексуального поля. Таким образом, эмоциональная отчуждённость и отстранённость оказались валютой случайного секса. Эти выводы на самом деле могут скорректировать концепцию сексуальных полей Грина, что Уэйд, как мы видели выше, и предлагает.

Наконец, главное, что привносят Ева Иллуз и Дана Каплан в дискуссии о сексуальном капитале, это четвёртая категория. Как помним, неолиберальный сексуальный капитал связан с трудоустройством. Это поясняется тем, что в условиях неолиберализма, то есть диктата рынка, когда представителям тех, кого в социологии называют прекариатом, нужно постоянно менять работу, повышать квалификацию или искать заработок на высококонкурентном рынке труда, чрезвычайно важно чувствовать себя уверенно. Следовательно, чтобы устроиться на работу, нужны конкретные достижения, навыки, личные качества, которые могут привлечь работодателей. Так что, по мнению Иллуз и Каплан, наёмные работники продают не только рабочую силу, но экзистенциальное существо, из которого можно извлечь экономическую ценность. Причём — чтобы не было недопонимания — имеется в виду не секс-работа, а обычная работа, или, лучше сказать, не-секс-работа. Каплан и Иллуз пишут: «Мы предполагаем, что полностью трудоспособный человек, который может адаптироваться к непредсказуемому будущему, это тот, кто также полностью сексуален» [Illouz, Kaplan 2022: 89].

Чтобы доказать это утверждение, они предлагают четыре возможных направления аргументации: (1) секс повышает самооценку, а значит, уверенность в себе при собеседовании; (2) сексуальность подразумевает социальное доминирование, что, на наш взгляд, вписывается в первый аргумент; (3) секс может стать способом проявления социальной компетентности, необходимой в экономике услуг, то есть сексуальные контакты требуют владения социальными навыками, которые можно применять в сфере труда; (4) «хороший секс» (это не комментируется, но эпитет «хороший» заставляет предположить, что качество интимной близости также имеет значение) приводит к большему удовлетворению работой, то есть он повышает настроение. По этим причинам «неолиберальный сексуальный капитал можно рассматривать как сумму индивидуально накопленных связанных с сексом аффективных состояний, вызывающих чувство собственного достоинства и самоопределения, особенно тех, которые связаны с принятием риска, уникальностью, самореализацией, творчеством и амбициозностью» [Illouz, Kaplan 2022: 93]. В таком контексте, считают авторы, профессиональная и сексуальная сферы деятельности человека размываются и не всегда могут быть отделены друг от друга. Иллуз и Каплан

отмечают, что сексуальный капитал в ситуации неолиберализма может приносить выгоду, но только если рассматривать его как психическую способность, которую можно использовать в области краткосрочных рабочих проектов.

Выше речь шла о том, что концепция Иллуз и Каплан, по их же собственному признанию, вдохновлена Пьером Бурдьё, но в то же время отстранена от него. Мы имели возможность увидеть, как далеко авторы ушли от Бурдьё. Но всё же у концепции Каплан и Иллуз с теорией Пьера Бурдьё есть что-то общее. Бурдьё считал, что все поля и их специфический капитал вторичны по отношению к полю власти. Кроме того, «Различение», на которое чаще всего ссылаются исследователи в контексте сексуального капитала, Бурдьё посвятил именно среднему классу. Иллуз и Каплан также пишут именно про средний класс. Они признают, что в реальности далеко не все сексуальные субъекты могут капитализировать свой опыт и полезные навыки, становясь удачными предпринимателями. В основном это касается тех, кто имеет габитус среднего класса. Так, авторы ссылаются на исследование случайного секса в американском университете, проведённое Лаурой Гамильтон и Элизабет Армстронг, которые выяснили, что, в отличие от студенток из низших слоёв общества, студентки из высших слоёв общества не выбирали долгосрочные отношения [Hamilton, Armstrong 2009]. Участие женщин из высших слоёв общества в культуре знакомств позволяло им развлекаться и посвящать больше времени учёбе и будущей карьере, а не тратить эмоциональную энергию на мужчин. Этот вывод отчасти может быть аргументом в пользу ценности концепции Иллуз и Каплан, так как, по их мнению, неолиберальный сексуальный капитал является частью классово-структуры общества, поскольку он накапливается у всех людей в их повседневной, интимной жизни.

Иллуз и Каплан заявляют: «В отличие от исследователей человеческого капитала, мы не предполагаем существования рационального актора, который сознательно использует в своих интересах сексуальность или “демонстративную идентичность”. В отличие от сторонников рационального, утилитарного подхода к сексуальному поведению, мы рассматриваем секс как нечто большее, чем индивидуальные попытки максимизировать свой капитал, когда атомистические акторы рассчитывают инвестиции, преследуя свои интересы» [Ilouz, Kaplan 2022: 106]. Предлагая концепцию неолиберального сексуального капитала, Иллуз и Каплан формулируют радикальную политическую экономию секса. Радикальную в том смысле, что она бросает вызов мнению, будто секс — это, по сути, частное дело, не имеющее отношения к устройству социального пространства. Тем самым предложенная концепция в самом деле является социологизацией сексуальности, которая, как помним, часто изучается через критическую методологию.

* * *

Итак, какая из трёх концепций сексуального капитала обладает наибольшим потенциалом для академической капитализации? Кэтрин Хаким уже не развивает свою идею, но, например, в англоязычной Википедии её концепции уделяется значительное внимание. Мы также видели, что социологи всё активнее обращаются к концепции сексуальных полей, так что потенциал этой теории значительный. На книгу Евы Иллуз и Даны Каплан уже опубликовано несколько рецензий. И хотя мысль о том, что сексуальный капитал способен помочь при трудоустройстве, как минимум, может быть подвергнута скепсису, Иллуз и Каплан вносят свой вклад в социологическую дискуссию, которая будет продолжаться. Вероятно, мы ещё увидим на этом академическом поле новых игроков со своими идеями социологического понимания сексуального капитала.

Литература

Бауман З. 2005. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос.

Бурдьё П. 2005. Формы капитала. *Экономическая социология*. 6 (1): 60–74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60

- Вакан Л. 2013. Бойцы за работой: телесный капитал и телесный труд профессиональных боксеров. *Логос*. 5 (95): 61–96.
- Гидденс Э. 2004. *Трансформация интимности*. СПб.: Питер.
- Иллуз Е. 2020. *Почему любовь ранит? Социологическое объяснение*. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг.
- Иллуз Е. 2022. *Почему любовь уходит? Социология негативных отношений*. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг.
- Карлова Е. Н. 2021. Теория П. Бурдьё в военной социологии: военный капитал и профессиональная мобильность. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 46 (2): 263–273.
- Кондрашов П. Н. 2023. Основные идеи экономико-социологической концепции эмоций Евы Иллуз. Реплика на рецензию Нины Любинарской. *Экономическая социология*. 24 (1): 151–161. doi: [10.17323/1726-3247-2023-1-151-161](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-1-151-161)
- Любинарская Н. А. 2022. Разум vs. чувства: возникновение новой экологии выбора в романтической сфере индивида. Рецензия на книгу: Иллуз Е. 2020. Почему любовь ранит? Социологическое объяснение. Перев. с англ. С. В. Сидоровой. М.; Берлин: Директ-медиа Паблишинг. 400 с. *Экономическая социология*. 23 (4): 96–109. doi: [10.17323/1726-3247-2022-4-96-109](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-4-96-109)
- Сорокин П. А. 2006. *Американская сексуальная революция*. М.: Научно-практический центр коммуникативных исследований «Проект барьер».
- Adkins L., Skeggs B. (eds) 2005. *Feminism After Bourdieu*. Oxford; Malden: Blackwell Publishing Ltd.
- Baumeister R. F. et al. 2017. Competing for Love: Applying Sexual Economics Theory to Mating Contests. *Journal of Economic Psychology*. 63: 230–241.
- Baumeister R. F., Vohs K. D. 2004. Sexual Economics: Sex as Female Resource for Social Exchange in Heterosexual Interactions. *Personality and Social Psychology Review*. 8 (4): 339–363.
- Bourdieu P. 1984. *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Brooks A. 2017. *Genealogies of Emotions, Intimacies, and Desire. Theories of Changes in Emotional Regimes from Medieval Society to Late Modernity*. London; New York: Routledge.
- Brooks S. 2010. *Unequal Desires. Race and Erotic Capital in the Stripping Industry*. New York: State University of New York Press.
- Bullen E. 2011. Erotic Capital, Popular Pedagogy, and Healthy Adolescent Female Sexuality. *Girlhood Studies*. 4 (2): 9–27.
- Chancer L. 1998. *Reconcilable Differences*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Clough P., Halley J. (eds) 2007. *The Affective Turn: Theorizing the Social*. Durham, NC: Duke University Press.

- Collins R. 1971. A Conflict Theory of Sexual Stratification. *Social Problems*. 19: 3–12.
- Dowsett G. W. 2014. The Price of Pulchritude, the Cost of Concupiscence: How to Have Sex in Late Modernity. *Culture, Health & Sexuality*. 17: 5–19.
- Edmonds S. 2018. Bodily Capital and the Strength and Conditioning Professional. *Strength and Conditioning Journal*. 40 (6): 9–14.
- Farrer J., Dale S. 2014. Sexless in Shanghai: Gendered Mobility Strategies in a Transnational Sexual Field. In: Green A. I. (ed.) *Sexual Fields: Toward a Sociology of Collective Sexual Life*. Chicago: University of Chicago Press; 143–169.
- Fischer N. L., Seidman S. (eds) 2016. *Introducing the New Sexuality Studies*. London; New York: Routledge.
- George M. 2014. *Rejecting the Specifically Sexual: Locating the Sexual Field in the Work*. Chicago: University of Chicago Press.
- Green A. I. 2008a. Erotic Habitus: Toward a Sociology of Desire. *Theory and Society*. 37: 597–626.
- Green A. I. 2008b. The Social Organization of Desire: The Sexual Fields Approach. *Sociological Theory*. 26 (1): 25–50.
- Green A. I. 2011. Playing the (Sexual) Field: The Interactional Basis of Sexual Stratification. *Social Psychology Quarterly*. 74: 244–266.
- Green A. I. 2013. ‘Erotic Capital’ and the Power of Desirability: Why ‘Honey Money’ is a Bad Collective Strategy for Remediating Gender Inequality. *Sexualities*. 16: 137–158.
- Green A. I. (ed.) 2014a. *Sexual Fields: Toward a Sociology of Collective Sexual Life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Green A. I. 2014b. Introduction: Toward a Sociology of Collective Sexual Life. In: Green A. I. (ed.) *Sexual Fields: Toward a Sociology of Collective Sexual Life*. Chicago: University of Chicago Press; 1–23.
- Grossman M. 2017. *The Demand for Health. A Theoretical and Empirical Investigation*. New York: Columbia University Press.
- Hakim C. 2010. Erotic Capital. *European Sociological Review*. 26: 499–518.
- Hakim C. 2011a. *Erotic Capital: The Power of Attraction in the Boardroom and the Bedroom*. New York: Basic Books.
- Hakim C. 2011b. *Honey Money: The Power of Erotic Capital*. London: Allen Lane.
- Hamilton L., Armstrong E. A. 2009. Gendered Sexuality in Young Adulthood: Double Binds and Flawed Options. *Gender and Society*. 23 (5): 589–616.
- Hernández B. M. 2022. *Border Bodies. Racialized Sexuality, Sexual Capital, and Violence in the Nineteenth-Century Borderlands*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.

- Hutson D. J. 2013. “Your Body is Your Business Card”: Bodily Capital and Health Authority in the Fitness Industry. *Social Science & Medicine*. 90: 63–71.
- Illouz E. 2007. *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge: Polity.
- Illouz E., Kaplan D. 2020. *El capital sexual en la Modernidad tardía*. Barcelona: Herder.
- Illouz E., Kaplan D. 2021. *Was ist sexuelles Kapital?* Berlin: Suhrkamp Verlag.
- Illouz E., Kaplan D. 2022. *What is Sexual Capital?* Cambridge: Polity.
- Lamont M. 1992. *Money, Morals, and Manners: The Culture of the French and the American Upper-Middle Class*. Chicago: University of Chicago Press.
- Martin J. L., George M. 2006. Theories of Sexual Stratification: Toward an Analytics of the Sexual Field and a Theory of Sexual Capital. *Sociological Theory*. 24 (2): 107–132.
- Michael R. T. 2004. Sexual Capital: An Extension of Grossman’s Concept of Health Capital. *Journal of Health Economics*. 23: 643–652.
- Ruppel E. H. 2020. Turning Bourdieu Back upon Sexual Field Theory. *Sexualities*. 25 (5–6): 1–17.
- Sarpila O. 2014. Attitudes Towards Performing and Developing Erotic Capital in Consumer Culture. *European Sociological Review*. 30 (3): 302–314.
- Smith C., Attwood F., McNair B. (eds) 2017. *The Routledge Companion to Media, Sex and Sexuality*. London; New York: Routledge.
- Susen S. 2015. *The ‘Postmodern Turn’ in the Social Sciences*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Wacquant L. 2010. Managing Bodily Capital. In: Washington R. E., Karen D. (eds) *Sport, Power, and Society. Institutions and Practices: A Reader*. London; New York: Routledge; 364–377.
- Wacquant L. 2014. Putting Habitus in Its Place: Rejoinder to the Symposium. *Body & Society*. 20 (2): 118–139.
- Wacquant L., Akcaoglu A. 2017. Practice and Symbolic Power: The View from Berkeley. *Journal of Classical Sociology*. 17 (1): 55–69.
- Wade L. 2017. *American Hookup: The New Culture of Sex on Campus*. New York; London: W. W. Norton & Co.
- Wade L. 2021. Doing Casual Sex: A Sexual Fields Approach to the Emotional Force of Hookup Culture. *Social Problems*. 68 (1): 185–201.
- Wade L. 2022. In Pursuit of the Potential of Sexual Field Theory: A Research Agenda. *Sexualities*. 25 (3): 284–300.

PROFESSIONAL REVIEWS

Alexander Pavlov

Sexual Capital

PAVLOV, Alexander —

Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Head of the School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, HSE University; Leading Research Fellow, Head of the Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: apavlov@hse.ru

Abstract

Academic research on sexuality spans various disciplines, including sexology, sex research, critical sexuality studies, representations of sexuality in the media, gender studies, and sexual identity studies, among others. When it comes to the sociological study of sexuality, sociologists typically either engage in anthropological or narrowly sociological studies of social communities and spaces or conduct macroanalyses, as exemplified by Anthony Giddens in *The Transformation of Intimacy* (1992). In the 21st century, building on the sociological theory of Pierre Bourdieu, some sociologists have begun to develop the concept of “sexual capital,” viewing sex and sexuality as integral aspects of collective social life. This paper identifies and describes three sociological theories of sexual capital: “erotic capital” (Catherine Hakim); the theory of sexual fields (Adam Isaiah Green and others), in which sexual capital operates alongside other elements such as erotic habitus and practice; and “neoliberal sexual capital” (Eva Illouz and Dana Kaplan). Particular

emphasis is placed on the latter theory, as it was introduced relatively recently. In the era of neoliberalism, where the precariat is constantly searching for opportunities in a highly competitive labor market, to feel masterfully becomes crucial. “Neoliberal sexual capital” facilitates this for several reasons: firstly, it boosts self-esteem; secondly, it implies dominance; thirdly, it can serve as a means to demonstrate social competence, and fourthly, it contributes to greater job satisfaction. Recognizing that discussions about sexual capital have only recently started to gain momentum, the author of this review paper presents these theories as competitors within the academic field of sociology.

Keywords: sexual capital; social theory; Pierre Bourdieu; Eva Illouz; field theory; erotic capital; sexuality research.

References

- Adkins L., Skeggs B. (eds) (2005) *Feminism After Bourdieu*, Oxford; Malden: Blackwell Publishing Ltd.
- Bauman Z. (2005) *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society], Moscow: Logos (in Russian).
- Baumeister R. F., Reynolds T., Winegard B., Vohs K. D. (2017) Competing for Love: Applying Sexual Economics Theory to Mating Contests. *Journal of Economic Psychology*, no 63, pp. 230–241.
- Baumeister R. F., Vohs K. D. (2004) Sexual Economics: Sex as Female Resource for Social Exchange in Heterosexual Interactions. *Personality and Social Psychology Review*, vol. 8, no 4, pp. 339–363.
- Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Bourdieu P. (2005) Phormy kapitala [Les formes de capital], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 6, no 1, pp. 60–74. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60 (accessed 7 September 2023) (in Russian).
- Brooks A. (2017) *Genealogies of Emotions, Intimacies, and Desire. Theories of Changes in Emotional Regimes from Medieval Society to Late Modernity*, London; New York: Routledge.
- Brooks S. (2010) *Unequal Desires. Race and Erotic Capital in the Stripping Industry*, New York: State University of New York Press.
- Bullen E. (2011) Erotic Capital, Popular Pedagogy, and Healthy Adolescent Female Sexuality. *Girlhood Studies*, vol. 4, no 2, pp. 9–27.
- Chancer L. (1998) *Reconcilable Differences*, Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Clough P., Halley J. (eds) (2007) *The Affective Turn: Theorizing the Social*, Durham, NC: Duke University Press.
- Collins R. (1971) A Conflict Theory of Sexual Stratification, *Social Problems*, no 19, pp. 3–12.
- Dowsett G. W. (2014) The Price of Pulchritude, the Cost of Concupiscence: How to Have Sex in Late Modernity. *Culture, Health & Sexuality*, no 17, pp. 5–19.
- Edmonds S. (2018) Bodily Capital and the Strength and Conditioning Professional. *Strength and Conditioning Journal*, vol. 40, no 6, pp. 9–14.
- Farrer J., Dale S. (2014) Sexless in Shanghai: Gendered Mobility Strategies in a Transnational Sexual Field. *Sexual Fields: Toward a Sociology of Collective Sexual Life* (ed. A. I. Green), Chicago: University of Chicago Press, pp. 143–169.
- Fischer N. L., Seidman S. (eds) (2016) *Introducing the New Sexuality Studies*, London; New York: Routledge.
- George M. (2014) *Rejecting the Specifically Sexual: Locating the Sexual Field in the Work*, Chicago: University of Chicago Press.
- Giddens E. (2004) *Transformatsiya intimnosti* [The Transformation of Intimacy], Saint Petersburg: Piter (in Russian).
- Green A. I. (2008a) Erotic Habitus: Toward a Sociology of Desire, *Theory and Society*, no 37, pp. 597–626.
- Green A. I. (2008b) The Social Organization of Desire: The Sexual Fields Approach. *Sociological Theory*, vol. 26, no 1, pp. 25–50.
- Green A. I. (2011) Playing the (Sexual) Field: The Interactional Basis of Sexual Stratification. *Social Psychology Quarterly*, no 74, pp. 244–266.
- Green A. I. (2013) ‘Erotic Capital’ and the Power of Desirability: Why ‘Honey Money’ is a Bad Collective Strategy for Remediating Gender Inequality. *Sexualities*, no 16, pp. 137–158.

- Green A. I. (ed.). (2014a) *Sexual Fields: Toward a Sociology of Collective Sexual Life*, Chicago: University of Chicago Press.
- Green A. I. (2014b) Introduction: Toward a Sociology of Collective Sexual Life. *Sexual Fields: Toward a Sociology of Collective Sexual Life* (ed. A. I. Green), Chicago: University of Chicago Press, pp. 1–23.
- Grossman M. (2017) *The Demand for Health. A Theoretical and Empirical Investigation*, New York: Columbia University Press.
- Hakim C. (2010) Erotic Capital. *European Sociological Review*, no 26, pp. 499–518.
- Hakim C. (2011a) *Erotic Capital: The Power of Attraction in the Boardroom and the Bedroom*, New York: Basic Books.
- Hakim C. (2011b) *Honey Money: The Power of Erotic Capital*, London: Allen Lane.
- Hamilton L., Armstrong E. A. (2009) Gendered Sexuality in Young Adulthood: Double Binds and Flawed Options. *Gender and Society*, vol. 23, no 5, pp. 589–616.
- Hernández B. M. (2022) *Border Bodies. Racialized Sexuality, Sexual Capital, and Violence in the Nineteenth-Century Borderlands*, Chapel Hill: The University of North Carolina Press.
- Hutson D. J. (2013) “Your Body is Your Business Card”: Bodily Capital and Health Authority in the Fitness Industry. *Social Science & Medicine*, vol. 90, pp. 63–71.
- Illouz E. (2007) *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*, Cambridge: Polity.
- Illouz E. (2020) *Pochemu lyubov’ ranit? Sotsiologicheskoe ob’yasnenie* [Why Does Love Hurt? A Sociological Explanation.], Moscow; Berlin: Directmedia Publishing (in Russian).
- Illouz E. (2022) *Pochemu lyubov’ ukhodit? Sotsiologiya negativnykh otnosheniy* [The End of Love: The Sociology of Negative Relationships], Moscow; Berlin: Directmedia Publishing (in Russian).
- Illouz E., Kaplan D. (2020) *El capital sexual en la Modernidad tardía*, Barcelona: Herder.
- Illouz E., Kaplan D. (2021) *Was ist sexuelles Kapital?* Berlin: Suhrkamp Verlag.
- Illouz E., Kaplan D. (2022) *What is Sexual Capital?* Cambridge: Polity.
- Karlova E. N. (2021) Teoriya P. Burd’yo v voennoy sotsiologii: voenny kapital i professional’naya mobil’nost’ [P. Bourdieu’s Theory in Military Sociology: Military Capital and Professional Mobility]. *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law = Nomothetika: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, vol. 46, no 2, pp. 263–273 (in Russian).
- Kondrashov P. (2023) Osnovnye idei ekonomiko-sotsiologicheskoy kontseptsii emotsiy Evy Illouz. Replika na retsenziyu Niny Lyubinarskoy [The Main Ideas of the Economic and Sociological Concept of Emotions by Eva Illouz. Reply to Nina Lyubinarskaya’s Review]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 1, pp. 151–161. doi: 10.17323/1726-3247-2023-1-151-161 (in Russian).

- Lamont M. (1992) *Money, Morals, and Manners: The Culture of the French and the American Upper-Middle Class*, Chicago: University of Chicago Press.
- Lyubinarskaya N. (2022) Razum vs. chuvstva: vznikovenie novoy ekologii vybora v romanticheskoy sphere individa [Reason vs Feeling: Appearance of New Ecology of Choice in the Romantic Sphere of the Individual. Book review on Illouz E. 2020. *Pochemu lyubov' ranit? Sotsiologicheskoe obyasnienie [Why Love Hurts? Sociological Explanation]*, Moscow; Berlin: Direct Media Publishing House. 400 p. (in Russian)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 4, pp. 96–109. doi: [10.17323/1726-3247-2022-4-96-109](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-4-96-109) (in Russian).
- Martin J. L., George M. (2006) Theories of Sexual Stratification: Toward an Analytics of the Sexual Field and a Theory of Sexual Capital. *Sociological Theory*, vol. 24, no 2, pp. 107–132.
- Michael R. T. (2004) Sexual Capital: An Extension of Grossman's Concept of Health Capital. *Journal of Health Economics*, no 23, pp. 643–652.
- Ruppel E. H. (2020) Turning Bourdieu Back upon Sexual Field Theory. *Sexualities*, vol. 25, no 5–6, pp. 1–17.
- Sarpila O. (2014) Attitudes Towards Performing and Developing Erotic Capital in Consumer Culture. *European Sociological Review*, vol. 30, no 3, pp. 302–314.
- Smith C., Attwood F., McNair B. (eds.) (2017) *The Routledge Companion to Media, Sex and Sexuality*, London; New York: Routledge.
- Sorokin P. A. (2006) *Amerikanskaya seksual'naya revolyutsiya [The American Sexual Revolution]*, Moscow, Nauchno-prakticheskiy tsentr kommunikativnykh issledovaniy "Proekt bar'er" [Research and Practice Center for Communication Research "Project Barrier"] (in Russian).
- Susen S. (2015) *The 'Postmodern Turn' in the Social Sciences*, Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Wacquant L. (2010) Managing Bodily Capital. *Sport, Power, and Society. Institutions and Practices: A Reader* (eds. R. E. Washington, D. Karen), London; New York: Routledge, pp. 364–377.
- Wacquant L. (2013) Boytsy za rabotoy: telesnyy kapital i telesnyy trud professional'nykh bokserov [Pugs at Work: Bodily Capital and Bodily Labor among Professional Boxers]. *Logos*, no 5 (95), pp. 61–96 (in Russian).
- Wacquant L. (2014) Putting Habitus in Its Place: Rejoinder to the Symposium. *Body & Society*, vol. 20, no 2, pp. 118–139.
- Wacquant L., Akcaoglu A. (2017) Practice and Symbolic Power: The View From Berkeley, *Journal of Classical Sociology*, vol. 17, no 1, pp. 55–69.
- Wade L. (2017) *American Hookup: The New Culture of Sex on Campus*, New York; London: W. W. Norton & Co.
- Wade L. (2021) Doing Casual Sex: A Sexual Fields Approach to the Emotional Force of Hookup Culture. *Social Problems*, vol. 68, no 1, pp. 185–201.

Wade L. (2022) In Pursuit of the Potential of Sexual Field Theory: A Research Agenda, *Sexualities*, vol. 25, no 3, pp. 284–300.

Received: March 19, 2023

Citation: Pavlov A. Seksual'nyy kapital [Sexual Capital]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 4, pp. 112–133. doi: [10.17323/1726-3247-2023-4-112-133](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-4-112-133) (in Russian).